

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 35

1990

Александр ЕРЕМЕНКО

ДОБАВЛЕНИЕ К СОПРОМАТУ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 35

Издается с января 1925 года

Александр ЕРЕМЕНКО

ДОБАВЛЕНИЕ К СОПРОМАТУ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Александр ЕРЕМЕНКО

Александр Викторович Еременко родился на Алтае в 1950 году. Там окончил школу. Поменял несколько профессий, в 1974 году поступил в Литературный институт. Стихи печатались в «Дне поэзии», «Юности», «Огоньке», коллективных сборниках в СССР и за рубежом. Это первая книга поэта.

САМИЗДАТ 80-го ГОДА

За окошком свету мало,
белый снег валит-валит.
Возле Курского вокзала
домик маленький стоит.

За окошком свету нету.
Из-за шторок не идет.
Там печатают поэта —
шесть копеек разворот.

Сторож спит, культурно пьяный,
бригадир не настучит;
на машине иностранной
аккуратно счетчик сбит.

Без напряжения, без подлянки
дело верное идет
на Ордынке, на Полянке,
возле Яузских ворот...

Эту книжку в ползарплаты
и нестрашную на вид
в коридорах Госиздата
вам никто не подарит.

Эта книжка ночью поздней,
как сказал один пиит,
под подушкой дышит грозно,
как крамольный динамит.

И за то, что много света
в этой книжке между строк,
два молоденьких поэта
получают первый срок.

Первый срок всегда короткий,
а добавочный — длинней,
там, где рыбой кормят четко,
но без вилок и ножей.

И пока их, как на mine,
далеко заволокло,
пританцовывать вело,
что-то сдвинулось над ними,
в небесах произошло.

За окошком света нету.
Прорубив его в стене,
запрещенного поэта
напечатали в стране.

Против лома нет приема,
и крамольный динамит
без особенного грома
прямо в камере стоит.

Два подельника ужасных,
два бандита, — Бог ты мой! —
недолеченных, мосластых
по шоссе Энтузиастов
возвращаются домой.

И кому все это надо,
и зачем весь этот бред,
не ответит ни Лубянка,
ни Ордынка, ни Полянка,
ни подземный Ленсовет,
как сказал
другой поэт.

* * *

Ласточка с весной...

В глуши коленчатого вала,
в коленной чашечке кривой
густая ласточка летала
по возмутительной кривой.

И вылетала из лекала
в том месте, где она хотела,
но ничего не извлекала
ни из чего, там где летела.

Ей, видно, дела было мало
до челнока или затвора.
Она летала как попало,
но не оставила затора

ни между Севером и Югом,
ни между Дарвином и Брутом,
как и диаметром и кругом,
как и термометром и спрутом.

Ах, между Женей и Андреем,
ах, между кошкой и собакой,
как между гипер- и бореем,
как между ютом или баком,

как между кровью и стамеской,
как между Богом или чертом,
не наведенная на резкость,
не опрокинутая в плоскость,

в чулане вечности противном
над безобразною планетой,
летала ласточка активно,
и я любил ее за это.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Мы поедem с тобою на «А» и на «Б»
мимо цирка и речки, завернутой в медь,
где на Трубной, а можно сказать — на Трубе,
кто упал, кто пропал, кто остался сидеть.

Мимо темной «России», дизайна, такси,
мимо мрачных «Известий», где воздух речист.
Мимо вялотекущей бегущей строки,
как предсказанный некогда ленточный глист.

Разворочена осень торпедами фар,
пограничный музей до рассвета не спит.

Лепестковыми минами взорван асфальт,
и земля до утра под ногами горит.

Мимо Герцена — кругом идет голова,
мимо Гоголя: встанешь — и некуда сесть.
Мимо чашек лихих на Грановского, 2,
Огарева, не видно, по-моему, — 6.

Мимо всех декабристов (их не сосчитать),
мимо народовольцев — и вовсе не счесть.
Часто пишется «мост», а читается — «мечь»,
и летит филология к черту с моста.

Мимо Пушкина, мимо... куда нас несет?
Мимо «Тайных доктрин», мимо крымских татар.
Белорусский, Казанский, «Славянский базар»...
Вот уже еле слышно сказал комиссар:
мы еще поглядим, кто скорее умрет...

На вершинах поэзии, словно сугроб,
намечает метафора пристальный склон.
Интервентская пуля, летящая в лоб,
из затылка выходит, как спутник-шпион.

Мимо Белых Столбов, мимо Красных Ворот,
мимо дымных столбов, мимо траурных труб.
«Мы еще поглядим, кто скорее умрет».
— А чего там глядеть, если ты уже труп.

Часто пишется «труп», а читается — «труд»,
где один человек разгребает завал
и вчерашнее солнце в носилках несут
из подвала в подвал.

И вчерашнее солнце в носилках несут,
и сегодняшний бред обнажает клыки.
Только ты в этом темном раскладе не туз.
Рифмы сбились с пути или вспять потекли

мимо Трубной и речки, завернутой в медь.
Кто упал, кто пропал, кто остался сидеть...
Вдоль железной резьбы, по железной резьбе
мы поедем на «А» и на «Б».

НА ВЫВОД ВОЙСК ИЗ АФГАНИСТАНА

Девятый год войны в Афганистане...
И я подумал: хватит мне молчать!
Сейчас меня ругать никто не станет,
что я решил об этом написать.

Сейчас меня, наверное, похвалят,
чтоб напечатать сразу здесь и там.
Ну, кроме тех, кто на лесоповале,
все за Афган, но по другим статьям.

Меня поймут и Язов, и Громыко
(пускай не вдруг, но это их дела),
поймут меня и Сахаров, и Быков,
поймет Василий Теркин, Гоп-со-Смыком...
И уж легко поймет Наджибулла.

Ну может, не поймет меня Проханов,
Ну Розенбаум, ну Бабрак Кармаль,
ну — младший Боровик! Но из душманов
любой Фарид отдаст мне свой медаль.

Пришел конец кошмарным голодовкам —
и можно снова водку выпивать.
Нам даже очень гордые литовки
в трамваях стали место уступать.

Эмблемы в урны, братья пацифисты!
И танки возвращаются с войны.
Нам позарез нужны специалисты
внутри страны.

СТИХИ О СУХОМ ЗАКОНЕ, ПОСВЯЩЕННЫЕ СВЕРДЛОВСКОМУ РОК-КЛУБУ

*«Высоцкий разбудил рокеров, рокеры пре-
допределили решения XXVII съезда»*

(А. Козлов. Рок, как двигатель ускорения.)

Он голосует за сухой закон,
балдеет на трибуне, как на троне.
Кто он? Издатель, критик, чемпион

зачатий пьяных в каждом регионе,
лауреат всех премий... вор в законе!
Он голосует за сухой закон.

Он раньше пил запоем, как закон,
по саунам, правительственным дачам,
как идиот, забором обнесен,
по кабакам, где счет всегда оплачен,
а если был особенно удачлив,—
со Сталиным коньяк «Наполеон».

В 20-х жил (а ты читай — хлестал),
чтобы не спать, на спирте с кокаином
и вел дела по коридорам длинным,
уверенно идя к грузинским винам,
чтобы в конце прийти в Колонный зал
и кончить яacobинской гильотиной.
Мне проще жить — я там стихи читал.

Он при Хрущеве квасил по штабам,
при Брежневе по банькам и блядам,
а при Андропове — закрывшись в кабинете.
Сейчас он пьет при выключенном свете,
придя домой, скрываясь в туалете...
Мне все равно — пусть захлебнется там!

А как он пил по разным лагерям
конвойным, «кумом», просто вертухаем,
когда, чтоб не сойти с ума, бухая
с утра до ночи, пил, не просыхая...
Сухой закон со спиртом пополам.

Я тоже голосую за закон,
свободный от воров и беззаконий,
и пью спокойно свой одеколон
за то, что не участвовал в разгоне
толпы людей, глотающей озон,
сверкающий в гудящем микрофоне!

Я пью за волю, с другом, не один,
за выборы без дури и оглядки,
я пью за прохождение кабин
на пунктах в обязательном порядке,
пью за любовь и полную разрядку,
еще — за наваждение причин.

Я голосую за свободы клок,
за долгий путь из вымершего леса,
за этот стих, простой, как без эфеса
куда хочу направленный клинок,
за безусловный двигатель прогресса,
за мир и дружбу —
за свердловский рок!

* * *

Начальник Отдела дезинформации полковник Боков
просыпается рано —
ему надо многое успеть.
Начальник Отдела дезинформации презирует информацию,
идушую с телеэкрана,
но для начальника Отдела дезинформации
отсутствие информации — смерть.

И в Гайд-парке, и в Луна-парке, и в парке Горького
полковник Боков спокоен, как Бог.
В мире возрастающей информации любая информация убога
Королева информации — дезинформация.
Он входит в бетонный бокс.

— Сегодня солнце зайдет на востоке!
А как ты хотел?
Это начальник Отдела дезинформации полковник Боков
принимает Отдел.

Он тянется к телефону — и страна становится на ребро,
и народы скатываются к одному боку.
Вы думали, это «Арканы Таро»?
Это начальник Отдела дезинформации полковник Боков.

Моделируем ситуацию: он выходит из ресторана,
и на книжной толкучке к нему подваливает пижон:
— Меняю «Буковского» на «Корвалана»...
Полковник Боков не поражен.

При чем здесь Авиценна, Ньютон или Шекспир?
Я сегодня вычислил на грани шока:
это твоя дезинформация деформирует микромир,
начальник Отдела дезинформации, полковник Боков!

Но полковник Боков не просто враль.
Без гвоздя сработана Вселенная, и вот морока:
не делится в квадрате на сторону диагональ.
Почему не делится? Потому, что полковник Боков.

Еще при Атлантах он кольца свои свивал:
провалы материков, падшие ангелы и полчища лжепророков
Помните, Иуда подошел и поцеловал?
А если это был полковник Боков?

Но по ночам я читаю хокку,
а не «Сионские протоколы».
Начальник Отдела дезинформации полковник Боков,
это твои проколы.

Информационный взрыв, выбросы и круги...
Идет информация сплошным потоком.
Но только дезинформация просветляет мозги.
Это отлично понимает начальник Отдела Боков.

Панки, митьки, металлисты
и прочие контрреволюционеры,
вы погрязли в своих пороках.
Дай им высшую меру,
Боков!!

Начальник Отдела дезинформации проставляет точки
в сочинениях Набокова и думает: — «Как жестоко!..»
Мальчишка, закрытая информация — это цветочки —
в лесном буреломе, которым заведует Боков.

Истина скрыта не так глубоко,
но только здесь нам копать, копать и копать...
Начальник Отдела дезинформации полковник Боков
уходит спать.

Начальник Отдела дезинформации полковник Боков,
а теперь ответьте,
я правильно назвал вашу фамилию, нет или да?
Начальник Отдела дезинформации полковник Боков
отвечает:

— Да.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХИ

«Шаг в сторону — побег».
Наверно, это кайф —
родиться на земле
конвойным и Декартом.
Гусаром теорем! —
прогуливаясь, как
с ружьем наперевес,
с компьютерами Спарты.

Какой погиб поэт
в Уставе корабельном!
Ведь даже рукоять
наборного ножа,
нацеленная вглубь,
как лазер самодельный,
сработана как бред,
последний ад ужа.

Так, выдохнув, язык
выносит бред пословиц
на отмель словарей,
откованных, как Рим.
В полуживой крови
гуляет электролиз,
невыносимый хлам,
которым говорим.

Какой-то идиот
придумал идиомы,
не вынеся тягот,
под скрежет якорей,
чтоб вы мне про Фому,
а я вам — про Ерему.
Читатель рифмы ждет...
Возьми ее, нахал.

«Шаг в сторону — побег».
Смотри на вещи прямо:
Бретон сюрреалист,
а Пушкин был масон.

И ежели далай,
то непременно — лама,
а если уж «Союз»,
то значит — «Аполлон».

И если Брет, то Гарт,
Мария, то Ремарк,
а кум, то королю,
а лыжная, то база,
коленчатый, то вал,
архипелаг... здесь шаг
чуть в сторону, пардон,
мой ум зашел за разум.

ПЕРЕДЕЛКИНО

Гальванопластика лесов.
Размешан воздух на ионы.
И переделкинские склоны
смешны, как внутренность часов.

На даче спят. Гуляет горький
холодный ветер. Пять часов.
У переезда на пригорке
с усов слетела стая сов.

Поднялся вихорь, степь дрогнула.
Непринужденна и светла,
выходит осень из загула,
и сад встает из-за стола.

Она в полях и огородах
разруху чинит и разбой
и в облаках перед народом
идет-бредет сама собой.

Льет дождь. Цепных не слышно псов
на штаб-квартире патриарха,
где в центре англицкого парка
стоит Венера. Без трусов.

Рыбачка Соня как-то в мае,
причалив к берегу баркас,
сказала Косте: — Все вас знают,
а я так вижу в первый раз...

Льет дождь. На темный тес ворот,
на сад, раздерганный и нервный,
на потемневшую фанерку
и надпись «Все ушли на фронт».

На даче сырость и бардак,
и сладкий запах керосина.
Льет дождь. На даче спят два сына,
допили водку и коньяк.

С крестов слетают кое-как
криволинейные вороны.
И днем, и ночью, как ученый,
по кругу ходит Пастернак.

Направо — белый лес, как бредень.
Налево — блок могильных плит.
И воет пес соседский, Федин,
и, бедный, на ветвях сидит.

И я там был, мед-пиво пил,
изображая смерть, не муку.
Но кто-то камень положил
в мою протянутую руку.

Играет ветер, бьется ставень,
а мачта гнется и скрипит.
А по ночам гуляет Сталин,
но вреден север для меня.

РЕПОРТАЖ ИЗ ГУНИБА

Гуниб — село и гора в Дагестане, последний оплот Шамиля, имама, предводителя горского освободительного движения, который после двадцатипятилетней войны, чтобы спасти народ от полного истребления, добровольно сдался здесь в плен фельдмаршалу князю Барятинскому. Петровск-Порт — современная Махачкала. Газават — священная война мусульман, айге-шат — портвейн.

«Куда ведет тебя свободный ум».
И мой свободный ум из Порт-Петровска,
хотя я по природе тугодум,
привел меня к беседке шамилевской.

Вот камень. Здесь Бярятинский сидел.
Нормальный камень, выкрашенный мелом.
История желает здесь пробела?
Так надо красным, красным был пробел.

Он что ли сам тогда его белил?
История и это умолчала.
Бярятинский? Не помню, я не пил
с Бярятинским. Не пью я с кем попало.

Доска над камнем, надпись, все путем.
Князь здесь сидел. Фельдмаршал. Это ново.
Но почему-то в надписи о том,
кто где стоял, не сказано ни слова.

Да, камень где Бярятинский сидел...
Любил он сидя принимать (такое прощается)
пленных — масса дел.
Пленные, как самое простое,
сдаваться в плен предпочитали стоя,
наверно, чтоб не пачкаться о мел.

Один грузин (фамилию соврем,
поскольку он немножко знаменитый)
хотел сюда приехать с динамитом.
Вот было б весело, вот это был бы гром!

Конечно, если б парни всей земли
с хорошеньким фургоном автоматов,
да с газаватом, ой, да с айгешатом,
то русские сюда бы не прошли.

К чему я щас все это говорю?
К тому, что я претензии имею.
Нет, не к Толстому, этим не болею,
берите выше — к русскому царю.

Толстой, он что? Простой артиллерист:
прицел, наводка, бац — и пспаданье:

Шамиль тиран, кошмарное создание,
шпион английский и авантюрист.

А царь — он был рассеян и жесток.
И так же, как рассеянный жестоко
вместо перчатки на руку носок
натягивает, морщась, так жестоко
он на Россию и тянул Восток.

Его, наверно, раздражали пятна
на карте или нравился Дербент.
Это, конечно, маловероятно,
хотя по-человечески понятно:
оно приятно, все-таки Дербент!
— В Париже скучно, едемте в Дербент..
Или: — Как это дико, непонятно —
назначен
                                губернатором
  в Дербент!

* * *

И. М.

На холмах Грузии лежит такая тьма,
что я боюсь, что я умру в Багеби.
Наверно, Богу мыслилась на небе
земля как пересыльная тюрьма.

Какая-то такая полумгла,
что чувствуется резкий запах стойла.
И кажется, уже разносят пойло,
но здесь вода от века не текла.

— Есть всюду жизнь, и здесь была своя.
Сказал поэт и укатил в Европу.
Сподобиться такому автостопу
уже не в состоянии даже я.

Неприхотливый город на крови
живет одной квартирой коммунальной,

и рифмы не стесняется банальной,
сам по себе сгорая от любви.

И через воды мутные Куры,
непринужденно руку удлиняя,
одна с другой общается пивная,
протягивая «ронсон» — прикури!

Вдвойне нелеп здесь милиционер,
когда, страдая от избытка такта,
пытается избавиться от факта
не права-нарушения, — манер...

Я от Кавказа делаюсь болтлив.
И может быть, сильнее, чем от «кавказца».
Одна случайно сказанная фраза
сознание обнажает, как отлив,

а там стоит такая полумгла,
что я боюсь, что я умру в Багеби.
Наверно, Богу мыслился на небе
наш путь как вертикальная шкала.

На Красной площади всего круглей земля.
Всего горизонтальней трасса БАМа.
И мы всю жизнь толчемся здесь упрямо,
как Вечный Жид у вечного нуля.

И я не понимаю, хоть убей,
зачем сюда тащиться надо спьяну,
чтобы тебя пристукнул из нагана
под Машуком какой-нибудь плебей.

* * *

О чем базарите, квасные патриоты?
Езжайте в Грузию, прочистите мозги.
На холмах Грузии, где не видать ни зги,
вот там бы вы остались без работы.
Богаты вы, едва из колыбели,
вот именно, ошибками отцов.
И то смотрю, как все поднаторели,
кто в ЦэДээЛе, кто в политотделе...
Сказать еще? В созвездье Гончих Псов.

Но как бы вас масоны ни споили,
я верю, что в обиду вас не даст
Калашников, Суворов, Джугашвили,
Курт Воннегут,
вельвет и «адидас»!

РЕПЛИКА В ПОЛЕМИКЕ

Сестры, память и трезвость,
когда бы я знал вашу мать,
я бы вычислил вас ни с того, так с другого конца.
Впрочем, что тут, действительно,
думать и копыя ломать?
Мы же знаем отца.

СОНЕТ

Как хорошо у бездны на краю
загнуться в хате, выстроенной с краю,
где я ежеминутно погибаю
в бессмысленном и маленьком бою.

Мне надоело корчиться в строю,
где я уже от напряжения лаю.
Отдам всю душу октябрю и маю,
но не тревожьте хижину мою.

Как пьяница, я на троих трою,
на одного неровно разливаю
и горько жалуюсь, и горько слезы лью.

что свой сонет последний не скрою,
но по утрам под жесткую струю
свой мозг, хоть морщуся, но подставляю.

ПАМЯТНИК

Я добрый, красивый, хороший
и мудрый, как будто змея.
Я женщину в небо подбросил —
и женщина стала моя.

Когда я с бутылкой «массандры»
иду через весь ресторан,
весь пьян, как воздушный десантник,
и ловок, как горный баран,

все пальцами тычут мне в спину,
и шепот вдогонку летит:
— Он женщину в небо подкинул —
и женщина в небе висит...

Мне в этом не стыдно признаться:
когда я вхожу, все встают
и лезут ко мне обниматься,
целуют и деньги дают.

Все сразу становятся рады
и словно немножко пьяны,
когда я читаю с эстрады
свои репортажи с войны,

и дело до драки доходит,
когда через несколько лет
меня вспоминают в народе
и спорят, как я был одет.

Отважный, красивый и быстрый,
сбравший все нервы в комок,
я мог бы работать министром,
командовать крейсером мог!

Я вам называю примеры:
я делать умею аборт,
читаю на память Гомера
и дважды сажал самолет.

В одном я виновен, но сразу
открыто о том говорю:
я в космосе не был ни разу
и то потому, что курю.

Конечно, хотел бы я вечно
работать, учиться и жить
во славу потомков беспечных
и в пику детекторам лжи,

чтоб каждый, восстав из рутины,
сумел бы сказать, как и я:
я женщину в небо подкинул —
и женщина стала моя!

* * *

Игорь Александрович Антонов,
ваша смерть уже не за горами.
То есть через несколько эонов
ты, как светоч, пролетишь над нами.

Пролетишь, простой московский парень,
полностью, как Будда, просветленный.
На тебя посмотрят изумленно
Рамакришна, Кедров и Гагарин.

Я уже давно не верю сердцу,
но я твердо помню: там, где ты
блеванул, открыв культурно дверцу,
на асфальте выросли цветы!

Кали-Юга — это центрифуга.
Потому, чтоб с круга не сойти,
мы стоим, цепляясь друг за друга,
на отшибе Млечного Пути.

Потому-то в жизни этой гадской,
там, где тень наводят на плетень,
на подвижной лестнице Блаватской
я займу последнюю ступень...

А когда навеки план астральный
с грохотом смешается с земным,
в расклешенных джинсах иностранных,
как Христос, пройдешь ты по пивным.

К пьяницам сойдешь и усоногим,
к тем, кто вовсе не имеет ног,
и не сможет называться йогом,
кто тебя не пустит на порог.

И когда в последнем воплощенье
соберешь всего себя в кулак,
пусть твое сверхслабое свечение
поразит невежество и мрак!

Подойдешь средь ночи к телефону —
аж глаза вылазят из орбит:
Игорь Александрович Антонов,
как живой с живыми говорит.

Гений твой не может быть измерен.
С южных гор до северных морей
ты себя навек запараллелил
с необъятной родиной моей.

* * *

Да здравствует старая дева,
когда, победив свою грусть,
она теорему Виета
запомнила всю наизусть,

всей русской душою проникла,
всем пламенем сердца вошла
и снова, как пена, возникла
за скобками быта и зла!

Она презирует субботу,
не ест и не пьет ничего.
Она мозговую работу
поставила выше всего.

Ее не касается трепет
могучих инстинктов ее.
Все вынесет, все перетерпит
суровое тело ее,

когда одиноко и прямо
она на кушетке сидит
и, словно в помойную яму,
в цветной телевизор глядит.

Она в этом кайфа не ловит,
но если страна позовет,
коня на скаку остановит,
в горящую избу войдет!

Малярит, латает, стирает,
за плугом идет в бороде,
и северный ветер играет
в косматой ее бороде!

Она ничего не кончала,
но мысли ее торжество,
минув мужское начало,
уходит в начало — всего.

Сидит она, как в назиданье,
и с кем-то выходит на связь,
как бы над домашним заданьем,
над всем мирозданьем склонясь.

* * *

*Тушинским кочегарам
Славе В. и Толе И.*

1.

Кочегар, Афанасий Тюленин,
что напутал ты в древнем санскрите?
Ты вчера получил просветленье,
а сегодня попал в вытрезвитель.
Ты в иное вошел измеренье,
только ноги не вытер.

По котельным московские йоги,
как шпионы, сдвигают затылки,
а заметив тебя на пороге,
замолкают и прячут бутылки.

Ты за это на них не в обиде.
Ты сейчас прочитал на обеде
в неизменном своем Майн Риде
все, что сказано в ихней Риг-Веде.

Все равны перед Богом, но Бог
Не решается, как уравниенье.
И все это с большим напряженьем
объяснил ты сержанту, как мог.

Он тебе предложил раздеваться,
а когда ты курил в темноте,
он не стал к тебе в душу соваться
со своим боевым каратэ.

Ты не знаешь, просек ли он суть
твоих выкладок пьяных.
Но вернул же тебе он «тамянку»...

2.

А ведь мог не вернуть.

* * *

Человек похож на термонару:
если справа чуточку нагреть —
развернется слева для удара...
Дальше не положено смотреть.
Даже если все переиначить —
то нагнется к твоему плечу —
в позе, приспособленной для плача...
Дальше тоже видеть не хочу.

* * *

Косыми щитами дождей
заставлены лица людей,
больница и здание обкома,
где снизу деревьев оскома,
а сверху — портреты вождей.

Заставлены плотным щитом,
как винный отдел гастронома,
и как предисловием к тому —
«Всемирной истории» том.

Заставлен, заброшен, забыт
и воеет, как сброшенный с крыши,
вчерашний, зажравшийся, пышный
и бешеный палеолит.

Уставишься в теодолит,
урвав среди ночи кусочек:
он дышит, бушует, клокочет,
клокочет, бушует, кипит...

...Я вздрогну и спрыгну с коня
и гляну на правую руку,
когда, улыбаясь, как сука,
опричник пойдет на меня.

ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ОБРАЗ

Горизонтальная страна.
Определительные — мимо.
Здесь вечно несоизмеримы
диагональ и сторона.
У дома сад.
Квадрат окна.
Снег валит по диагоналям.
А завтра будет в кучу свален
там, где другая сторона.

Ведь существует сатана
из углублений готовален.
Сегодня гений — гениален!
Но он не помнит ни хрена...

Все верно, друг мой,
пей до дна.
У дома сад. Шумит — как хочет.
И кто поймет, чего со сна
он там бормочет.

1.

Между солнцем горящим и спичкой здесь нет разногласий.
Если путь до звезды, из которой ты только возник,
подчиняется просто количеству стертых балясин,
мы споткнулись уже, слава Богу, на первой из них.

Я бы магнием стал, ты бы кальцием в веточке высох,
сократился на нет, по колени ушел в домино,
заострился в иголке, в золе, в концентрических осах.
Я бы... крысу убил, поглупел, я бы снялся в кино.

В вертикальных углах, в героической их канители
этот взгляд мимо цели и миниатюрный разгром.
Сон встает на ребро — обнажаются мели:
полупьяный даос, парадокс близнецов, ход конем.

2.

Дорога выходит из леса —
и снова во весь разворот:
еврейский погром разновесов,
разнузданный теннисный корт.

И снова двоичная смута
у входа встает на ребро,
бетоном и астмой раздуто
огромное горло метро.

Налево пойдешь — как нагайка,
огреет сквозняк новостей.
Направо — опять контрогайка
срезает резьбу до костей.

Я вычерпал душу до глины,
до темных астральных пружин,
чтоб вычислить две половины
и выйти один на один

с таким оголтелым китайцем,
что, сколько уже ни крути,
не вычерпать, как ни пытайся,
блестящую стрелку в груди.

Не выправить пьяного жеста,
включенного, как метроном,
не сдвинуться с этого места,
чтоб мне провалиться на нем!

ДОБАВЛЕНИЕ К СОПРОМАТУ

Чтобы одной пулей
погасить две свечи,
нужно последние расположить так,
чтобы прямая линия,
соединяющая мушку
с прорезью планки прицеливания,
одновременно проходила бы
и через центры обеих мишеней.
В этом случае, произведя выстрел,
можно погасить обе свечи
при условии, что пуля
не расплывется о пламя первой.

* * *

«Печатными буквами пишут доносы»...
Закрою глаза и к утру успокоюсь,
что все-таки смог этот мальчик курносый
назад отразить громыхающий конус.
Сгоревшие в танках вдыхают цветы.
Владелец тарана глядит с этикеток.
По паркам культуры стада статуэток
куда-то бредут, раздвигая кусты.
О как я люблю этот гипсовый шок
и запрограммированное уродство,
где гладкого взгляда пустой лепесток
гвоздем проковырен для пущего сходства.
Люблю этих мыслей железобетон
и эту глобальную архитектуру,
которую можно лишь спяну или сдуру
принять за ракету или за трон.
В ней только животный болезненный страх
гнездится в гранитной химере размаха,
где словно титана распахнутый пах,
дымится ущелье отвесного мрака.

...Наверное смог, если там, где делить
положено на два больничное слово,
я смог, отделяя одно от другого,
одно от другого совсем отделить.

Дай Бог нам здоровья до смерти дожить,
до старости длинной, до длинного слова,
легко ковыляя от слова до слова,
дай Бог нам здоровья до смерти дожить.

* * *

Осыпается сложного леса пустая прозрачная схема,
шелестит по краям и приходит в негодность листва.
Вдоль дороги пустой провисает неслышная лемма
телеграфных прямых, от которых болит голова.

Разрушается воздух, нарушаются длинные связи
между контуром и неудавшимся смыслом цветка,
и сама под себя наугад заползает река,
а потом шелестит, и они совпадают по фазе.

Электрический ветер завязан пустыми узлами,
и на красной земле, если срезать поверхностный слой,
корабельные сосны привинчены снизу болтами
с покосившейся шляпкой и забившейся глиной резьбой.

И как только в окне два ряда отштампованных елок
пролетят, я увижу: у речки на правом боку
в непролазной грязи шевелится рабочий поселок
и кирпичный заводик с малюсенькой дыркой в боку...

Что с того, что я не был здесь целых одиннадцать лет?
За дорогой осенний лесок так же чист и подробен.
В нем осталась дыра на том месте, где Колька Жадобин
у ночного костра мне отлил из свинца пистолет.

Там жена моя вяжет на длинном и скучном диване,
там невеста моя на пустом табурете сидит.
Там бредет моя мать то по грудь, то по пояс в тумане,
и в окошко мой внук сквозь разрушенный воздух глядит.

Я там умер вчера, и до ужаса слышно мне было,
как по твердой дороге рабочая лошадь прошла,
и я слышал, как в ней, когда в гору она заходила,
лошадиная сила вращалась, как бензопила.

Туда, где роща корабельная
лежит и смотрит, как живая,
выходит девочка дебильная,
по желтой насыпи гуляет.

Ее, для глаза незаметная,
непреднамеренно хипповая,
свисает сумка с инструментами,
в которой дрель, уже не новая.

И вот, как будто полоумная
(хотя вообще она — дебильная)
она по болтикам поломанным
проводит стершимся напильником.

Чего ты ищешь в окружающем
металлоломе, как примата,
ключи вытаскиваешь ржавые,
лопатой бьешь по трансформатору?

Ей очень трудно нагибаться,
она к болту на 28
подносит ключ на 18,
хотя никто ее не просит.

Ее такое время косит,
в нее вошли такие бесы...
Она обед с собой приносит,
а то и вовсе без обеда.

Вокруг нее свистит природа
и электрические приводы.
Она имеет два привода
за кражу дросселя и провода.

Ее один грызет вопрос,
она не хочет раздвоиться —
то в стрелку может превратиться,
то в маневровый паровоз.

Ее мы видим здесь и там,
и, никакая не лазутчица,
она шагает по путям,
она всю жизнь готова мучиться,

но не допустит, чтоб навек
в осадок выпали, как сода,
непросвещенная природа
и возмущенный человек!

* * *

Когда совпав с отверстиями гроз,
заклинят междометия воды
и белые тяжелые сады
вращаются, как жидкий паровоз,
замкните схему пачкой папирос,
где «Беломор» похож на амперметр...
О, как равновелик и перламутров
на небесах начавшийся митоз!
Я говорю, что я затем и рос
и нажимал на смутные педали,
чтоб наконец свинтил свои детали
сей влажный сад
в одну из нужных поз.

* * *

Когда наугад расщепляется код,
как, сдвоившись над моментальным проходом,
мучительно гений плывет над народом
к табличке с мигающей надписью «вход».

Любые системы вмещаются в код.
Большие участки кодируют с ходу.
Ночной механизмик свистит за комодом —
и в белой душе расцветает диод.

Вот маленький сад, а за ним — огород.
Как сильно с периодом около года
взлетала черемуха за огородом,
большая и белая, как водород!

ИЗ ЦИКЛА «ЛИЦОМ К ПРИРОДЕ»

1.

Цветы не пахнут. Пахнет самосвал.
Два трактора буксуют на дороге.
Четыре агронома, свесив ноги,
сидят на стульях около реки.
Сидят и смотрят вдаль из-под руки
туда, где жар закатов остывает.
И восемь рыбок медленно всплывают
внизу, как телефонные звонки.
Они зажарят мясо — и съедят.
Задвинут речь, и свалит их зевота.
Потом внезапно вспомнят, что суббота,
и спиннинги над ними засвистят.
К ним подойдет, расталкивая плес,
гофрированный гад из мезозоя,
он без сапог, на нем пальто чужое,
он весь — как бронепоезд без колес.
В лесах же, где оставлен был зазор
для наугад блуждающего взора,
попрет всю естественный отбор,
но в сторону отсутствия отбора.
Как хорошо в корнукулярный хлам
уйти с башкой, вращаясь, как Коперник,
и, наступив с размаху в муравейник,
провозгласить: — Природа есть не храм!
Московский лес игрушечно кипит.
В нем зайцы мрут и плавают министры.
А он стоит, промытый, как транзистор,
и щелкает, и дышит, и свистит...

2.

Сама в себе развешана природа.
на холмах экспонируют холмы
своих холмов округлости, где мы
гуляем в котелках и с веерами,
мужчины в брюках, дамы с топорами,
собачки с автоматиками и
небритый Марк в рубашке из бензина.
За деньги можно, вынимая рук
пустые клешни из вечерних брюк,
смотреть, как развивается природа:

налево лес, направо вытрезвитель,
а прямо — речка в собственном соку
и пароход, похожий на клюку,
а паровоз над ними, как числитель.
Прекрасен лес и в лесе человек!
Я так люблю варенье из малины,
по тропкам послоняться и набрать
для интересу пучеглазых шишек
и возвратиться к ужину домой...

А загорится — бомбами потушим!

* * *

В густых металлургических лесах,
где шел процесс создания хлорофилла,
сорвался лист. Уж осень наступила
в густых металлургических лесах.
Там до весны завязли в небесах
и бензовоз, и мушка дрозофила.
Их жмет по равнодействующей сила,
они застряли в сплюснутых часах.
Последний филин сломан и распилен
и, кнопкой канцелярскою пришпилен
к осенней ветке книзу головой,
висит и размышляет
головой,
зачем в него с такой ужасной силой
вмонтирован бинокль полевой?

СОДЕРЖАНИЕ

Самиздат 80-го года	3
«В глуши коленчатого вала...»	4
Ночная прогулка	5
На вывод войск из Афганистана	7
Стихи о сухом законе, посвященные свердлов- скому рок-клубу	7
«Начальник Отдела дезинформации полковник Боков...»	9
Филологические стихи	11
Переделкино	12
Репортаж из Гуниба	13
«На холмах Грузии лежит такая тьма...»	15
«О чем базарите, квасные патриоты?..»	16
Реплика в полемике	17
Сонет	17
Памятник	17
«Игорь Александрович Антонов...»	19
«Да здравствует старая дева...»	20
«Кочегар, Афанасий Тюленин...»	21
«Человек похож на термопару...»	22
«Косыми щитами дождей...»	22
Изначальный образ	23
«Между солнцем горящим...»	24
«Дорога выходит из леса...»	24
Добавление к спромату	25
«Печатными буквами пишут доносы»...	25
«Осыпается сложного леса пустая прозрачная схема...»	26
«Туда, где роща корабельная...»	27
«Когда совпав с отверстиями гроз...»	28
«Когда наугад расщепляется код...»	28
Из цикла «Лицом к природе»	29
«В густых металлургических лесах...»	30

ЕРЕМЕНКО Александр Викторович

ДОБАВЛЕНИЕ К СОПРОМАТУ

Стихи

Редактор О. Н. Хлебников

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 15.06.90. Подписано к печати 12.07.90. А 003446.
Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсет-
ная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,46. Ти-
раж 150000 экз. Зак. № 2476. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ЧТО ПОДАРИТЬ НА СВАДЬБУ!

● Нет ничего проще. Вы можете купить дорогой подарок, внести пай в жилищный или гаражный кооператив для молодоженов, организовать свадебное путешествие или вручить солидную денежную сумму. Вы будете располагать всеми этими возможностями, если заблаговременно заключите договор страхования к бракосочетанию в пользу ребенка.

● Сделать это могут родители, бабушки и дедушки, другие родственники ребенка. Страховая сумма будет выплачена полностью юноше или девушке при вступлении в брак или после достижения ими возраста 21 года. У страхователя остается право самому получить деньги по истечении срока действия договора страхования.

● Страховые организации производят также соответствующие выплаты при получении ребенком травм и наступлении других событий, предусмотренных договором.

● Договор страхования имеет определенные преимущества: он не прерывается в случае смерти страхователя и не требует дальнейшей уплаты ежемесячных взносов.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ СССР
ПРАВЛЕНИЕ.**